

Юля не ломала особенно голову. В конце концов, иначе как к хобби она к этому не относилась. Да и «хобби», пожалуй, — громко сказано. Не хобби, а... То, чем можно занять вечер-другой. Продолжить прерванную переписку. Поболтать и пофлиртовать (разумеется, в шутку.)

Изначально Юлия относилась к этому веб-сервису скорее как чату, только потом озорства ради позволила себе кое-какие «вольности». Последнего факта она немного смущалась. Конечно, напускала на себя безразличный вид, но расстраивать подписчиков всё же не хотела. Тем более, что некое подобие «фэн-базы» сложилось довольно быстро.

Ильфир уже видел такие сайты. Его удивило другое, а именно — что маму такие вещи в принципе увлекают. Конечно, он вхож во всякие неприличные паблики, многого насмотрелся-навидался. Но он не знал... вернее, не привык думать, что родители тоже пользуются интернетом. И да, тоже, бывает, посещают те же сайты. Судя по всему, маме нравилось это — получать «фидбэк» от зрителей. (В виду ли непривычного формата общения или чего-то ещё.)

— Илюш, ты спишь?

Ильфир открыл глаза. Секунду назад ему казалось, что он погрузился в колодезь снов, теперь же сон как рукой сняло. Он привстал. Приглушённый свет выделил на фоне коридора женский силуэт.

— Ильфир... — шёпотом повторила она.

Ильфир всмотрелся. Из нового — странно заплетённые косички в два хвостика. С ними мама выглядит как-то нелепо. Перекошенная сикось-накось ночнушка вспомнилась с прошлого раза.

— А Егор что ли не может?

— Нет, сына, не получается сегодня...

— Мне вставать завтра... на тренировку.

— Я тебя разбужу, зайка! Обещаю! Не опоздаешь.

— Мм...

— С полчасика всего. Потерпишь?

Помычав и поколебавшись, Ильфир ответил: «Ну, ладно».

— Мам?

— Да, зай?

— А ты опять будешь... ну это...

Юля не ответила.

В прошлый раз его появление произвело фурор (если так можно назвать обильный поток «чаевых»), и Юля сказала, что подумает. Но, вообще-то, ей не хотелось злоупотреблять. И усугублять. Ситуация и так сложилась не совсем правильная. Кроме того Юлю вполне устраивала сложившаяся, пусть и скромная, аудитория. Разбавлять её неполовозрелыми элементами («мамиными сынками» и прочими) она не хотела, а таких, судя по сообщениям, хватало. Да и излишнее внимание тоже ни к чему.

Танцующей походкой Юля вернула себе внимание зрителей. Хотя танцем это назвать сложновато, зато грудь болтается под тканью заметней.

Ноутбук стоит примерно на уровне плеч, камера же направлена чуть ниже. Извиняясь, что сегодня всё опять немножко не по плану, Юля поправляет ночнушку, пряча возбуждённый сосок.

Ильфир с самого начала чувствовал себя как-то скованно. Он знал, что отца сегодня опять не будет, но... Куда делся Егор? Опять придётся тут сидеть?

— Мам, почему у тебя такая дурацкая причёска?

На экране коротко мелькнул угол шкафа, пока Юля перемещала ноутбук со стола на прикроватную тумбочку, уместая в кадре кровать. Ильфир различил сообщения в чате. Кто-то недоумевал, как такой поц отхватил такую цыпу. Кто-то подначивал паренька. Кто подозревал в чём-то пассивном.

— Не смотри туда, — посоветовала Юля. И рассеянно продолжила:

— Почему дурацкая? Не нравится?

— Просто детская какая-то, вот и всё.

— Да?

Открыв в личку, Юля что-то напечатала. Засмеялась. Опять напечатала. Ильфир осторожно оглядывал её сбоку: чуть подведённые глаза, но помада неожиданно броская. В чате кто-то похвалил стянутые резинками светлые локоны.

— Ты похожа на Харли Квин.

— Илюш...

— А?

— Двигайся ближе, тебя не видно совсем...

Ильфир повиновался. Он следил, как бойко мама что-то печатает. Прильнул к ней сзади. Посидел немного. Поигрался с резинкой её трусов. Снова лёг.

В который раз его удивила эта её увлечённость. С другой стороны, именно она казалась ему немного утомительной. Он сам не заметил, как под стук клавиш задремал. Он бы наверно и вовсе не проснулся, если бы мама была чуть потише. Но нет, ей нужно было возиться с камерой, перемещать ноутбук с кровати на подоконник и обратно.

Он вынырнул из сна, чтобы увидеть себя на экране ноутбука, который стоял сбоку, совсем-совсем радом. Но себя он увидел не полностью, а лишь часть. Нижнюю часть.

Ильфир не сразу воспринял наготу — и свою, и не только свою. Хотя своя ему показалась особенно неожиданной и какой-то неуместной. Он бы мог представить, как нечаянно подглядел за мамой, но обратной ситуации он представить не мог. По ощущению же это именно оно и было — что-то обратное, что-то трудно представимое. На секунду ему показалось, что он подглядывает за самим собой...

Возможно, он бы так и спал, если бы влажные лобызания не сопровождались звучными и нарочито небрежными чмоками. Вот сложенные бантиком губки посылают по ту сторону экрана поцелуй. Ильфир смотрит в экран, но увернуться от поцелуя не может.

Ильфир вдруг понимает, что кончил. Собственно этим и была вызвана ехидно-насмешливая гримаса: высунув язык, мама изображала что-то, по всей видимости, порочное и, читая сообщения чата, довольно хихикала.

Всё это время она не обращала на Ильфира особенного внимания. Её занимало другое. Общение. Она открыла для себя новый способ коммуникации. Это было и дико, и ново. Юля была целиком поглощена этим. Пусть и было это общение весьма специфическое, основанное на эксгибиционизме.

Она косилась в экран ноутбука и то медленно и лениво, то напористо и грубо скользила по упругой «дуге». Ей ничего не стоило заглотить её полностью: опускаясь ртом до самых яичек, она опять скользила вверх. И так до тех пор, пока зажатая в губах головка не начала спазмировать...

В продолжении вечера женщина пялила взгляд в камеру. Без конца что-то печатала. Пару раз вставала на коленки и разворачиваясь задницей, чтобы показать торчащую в попе игрушку — нелепый розовый «прутик», вибрирующий от каждой брошенной в чат «монетки». Видеть это было как-то странно. Ильфир так и не удосужился поинтересоваться. Но он заметил, как здорово при этом выглядят пухлые половые губки. Особенно розоватая расщелинка посередине — она будто бы воспалена. Что-то есть в ней притягательное, манящее...

«Пусть утром будет надо мной смеяться, — мелькнуло в мыслях. — Да и самому будет стыдно...»

Почти не помня себя, Ильфир протянул руку. Зрители приватного канала увидели, как влажные складочки раздвигаются в преддверии проникновения. Затем оно случилось. Движимый каким-то смутным порывом, Ильфир стал запихивать то два, то три пальца.

Ошеломлённая Юля, даже поняв в чём дело, никак не реагировала. Она не хотела никакой принуждённости. Как ни странно, но она боялась как-то травмировать Ильфира. (Она и так доставила ему столько неудобств, вытащила из постели и т. д.)

Только когда терпеть стало невмочь, она издала стон. Оргазм накрыл мощной волной. Обессиленная она улеглась набок, предоставив Ильфиру всё тот же вид, но под другим углом. У неё завышенная талия, бёдра начинаются высоко, а ягодицы переходят в приятной формы, чуть оплывшие капельки. Попу она себе «наседла» порядочную, однако из пропорций это не выбивалась, совсем наоборот. У Юлии была широкая талия (и широкий живот), длинные ноги и — на грани неприличия — обвисшая грудь.

Настырные зрители не унимались. Пусть в приватном режиме их было не так много, человек двадцать-тридцать, зато показать им лицо Юля не боялась. Кое-кто из них даже догадывался о наличии некоего «контекста». Юля ничем не подтверждала их «фантазии». Но и не опровергала тоже.

Как ни странно, но от проведённого времени у Ильфира скорее осталось впечатление подавленной приязни, нежели резкого отторжения. Плюс чисто физически это было довольно пронзительно. В хорошем смысле.

Читая после трансляции сообщения, Юля улыбалась. Это было последнее, что видел Ильфир перед тем, как обрести свой долгожданный сновиденческий покой.